ЛЕСОГОРСКИЕ ИСТОРИИ

Решение без согласия

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Лесогорские истории. Решение без согласия

https://litres.ru/74691857
SelfPub; 2026

Аннотация

Лада Невская получает решение комиссии, но выясняет, что в материалах дела остаются противоречащие друг другу показания. Савельев боится раскрытия личных сведений, следователь требует подлинные копии, а Роман пытается найти способ передать их без нарушения прав свидетелей. Ладе приходится выбирать не между законом и сочувствием, а между удобным молчанием и аккуратной процедурой, сохраняющей чужое достоинство.

Алёна Северина
Лесогорские истории. Решение без согласия

Глава 1. Пакет с жетоном

Во вторник Лада пришла в архив раньше обычного. За ночь дождь вымыл с дорожек песок, но у служебного входа всё ещё стояла вода; пришлось переступить через лужу, прижимая к боку папку с решением комиссии. Вчерашняя запись в журнале не требовала продолжения. Номер чужого дела оставался номером, пока не появлялись документы, которые связывали бы его с пропавшим свидетельством.

На столе её ждала записка от заведующего:

«Лада, зайдите ко мне до начала сверки. На ваше имя оставили пакет. Принял под расписку».

Пакет лежал в кабинете Савельева, рядом с кипой заявлений. Обычный серый конверт из плотной бумаги, перевязанный бечёвкой. На лицевой стороне — фамилия Лады, адрес архива и обратный адрес нотариальной конторы на улице Мельничной. Почтового штемпеля не было.

— Курьер принёс вчера, пока вы уже ушли, — сказал Савельев. — Сказал, лично в руки. Я расписался только за получение, содержимое не проверял.

— Кто отправитель?

— Нотариус Гордеева.

Лада не стала развязывать бечёвку при нём.

— Вы знаете, о чём пакет?

— Нет. Но конверт не похож на материалы архива.

— Тогда и хранить его здесь не нужно.

Савельев взглянул на неё поверх очков.

— Согласен. Только сначала откройте. Вдруг там что-то, что нельзя оставлять без внимания.

Это было разумно, но не означало, что пакет становился частью служебного дела. Лада попросила его записать дату и время вскрытия в журнал входящей корреспонденции, а сама достала телефон и сняла конверт с двух сторон. Потом развязала бечёвку и вынула сложенный лист с печатью нотариуса и небольшой предмет, завёрнутый в полоску пожелтевшей бумаги.

Первым показалось письмо. Оно было написано от руки, с выцветшими чернилами и неровными полями. Подпись разобрать не удалось: «В. Невская» — или «В. Невский». В тексте говорилось о обещании, данном «до передачи ключей», и о документе, который следовало сохранить отдельно от городского архива. Ни даты, ни полного имени. Последняя строка была подчёркнута дважды:

«Если свидетельство спросят, не отвечайте, что его не было».

Лада перечитала фразу и отложила лист.

— Что там? — спросил Савельев.

— Письмо с упоминанием свидетельства. Пока неизвестно, какого именно.

Она не дала ему взять лист. Сначала прочла приложенное уведомление нотариуса. Пакет передавался по просьбе Веры Андреевны Невской, умершей четыре месяца назад. Вера Андреевна приходилась Ладе двоюродной бабушкой по отцовской линии; они виделись лишь однажды, на похоронах её отца, и с тех пор не переписывались. В уведомлении объяснялось, что среди личных бумаг покойной обнаружены предмет и письмо, адресованные Ладе. Нотариус просил подтвердить получение и сообщить, желает ли она ознакомиться с описью наследственного имущества.

Лада не знала, что Вера Андреевна оставила ей что-либо. И не знала, какое обещание могло связывать женщину с архивным документом.

В полоске бумаги лежал потемневший металлический жетон, плоский, размером с пуговицу. На одной стороне была выбита цифра 17, на другой — крошечный рисунок фонаря. Вещь выглядела дешёвой и привычной, как жетон для гардероба или ключ от старого шкафчика.

— Обычная бирка, — сказал Савельев.

— Возможно.

— Но рисунок знакомый?

Лада провела ногтем по краю. В углублении сохранилась зелёная патина, а на обратной стороне, возле цифры, проступали две буквы: «Л.Ф.». Она не стала угадывать их значение.

Положила жетон на чистый лист, указала время и источник в рабочей тетради, затем убрала письмо и предмет обратно в конверт.

— Я позвоню нотариусу, — сказала она. — А здесь пока ничего не регистрируйте как архивную находку.

Савельев кивнул, но телефон у Лады уже завибрировал. Незнакомый номер. Она ответила.

— Лада Невская? — спросил женский голос. — Это Елена Гордеева, нотариус. Вы получили пакет?

— Получила. В нём письмо и жетон. Откуда они у Веры Андреевны?

— Жетон был среди бумаг, переданных мне наследником. Письмо лежало в конверте с вашим именем. Есть ещё одна причина, по которой я хотела с вами связаться. В описи имущества указан старый дом на Набережной, семнадцать. Его продали много лет назад, но в приложении к договору упоминается свидетельство о передаче фонарей городской набережной. Оригинала в наследственных бумагах нет.

Лада посмотрела на выцветшую строку письма.

— Вы знаете, кто пострадал из-за его отсутствия?

— Не знаю, — сказала Гордеева после короткой паузы. — Но наследник утверждает, что из-за этого свидетельства его мать не получила причитавшуюся ей выплату. Он собирается оспаривать сделку.

Из кабинета Савельева донёсся шелест переворачиваемой страницы. Лада прижала телефон к уху.

— Назовите имя наследника.

— Павел Андреевич Рудин. Я пришлю вам копию описи и заверенный фрагмент приложения. Фрагмент у меня только в заверенной копии.

Лада записала имя, адрес конторы и время разговора. Связь оборвалась, когда она закончила.

Вчерашний номер из перечня комиссии не изменился. Но теперь рядом с ним появилось имя человека, который утверждал, что потерял деньги из-за пропавшего свидетельства. А в её сумке лежал жетон с фонарём, оставленный женщиной, которую Лада почти не знала.

Лада переписала имя Павла Рудина на отдельный лист и поставила рядом вопросительный знак. Не в журнале — туда попадали только сведения с указанным источником. Пока у неё были слова нотариуса, письмо неизвестного происхождения и жетон, который, по её словам, принадлежал Вере Андреевне. Связь с пропавшим свидетельством ещё предстояло доказать.

— Савельев, вы помните дело по дому на Набережной, семнадцать? — спросила она, вернувшись в кабинет.

Заведующий отложил заявление.

— Помню адрес. Не дом, дело. Если оно у нас вообще было.

— Нотариус нашла его в описи наследства. В приложении к договору продажи упоминается свидетельство о передаче фонарей набережной.

Савельев снял очки и протёр переносицу.

— Тогда ищите по номеру договора или по фамилии продавца. Адресом можно только промахнуться: старые улицы переименовывали, участки делили. И не записывайте пока, будто это то самое свидетельство.

— Не собиралась.

— Я знаю. Просто теперь у вас есть человек, который собирается оспаривать сделку. Это уже не только история про бумаги.

Лада посмотрела на конверт. После разговора с нотариусом он казался легче, чем был, — будто имя наследника отняло у него часть тайны. Но вопросов прибавилось: кто и когда положил письмо внутрь, почему оно оказалось среди бумаг Веры Андреевны и что именно обещал тот, кто его написал.

— Копии Гордеева пришлёт, — сказала Лада. — До этого ничего не запрашиваем от имени архива.

Савельев кивнул и снова принялся за заявления.

Лада забрала письмо и жетон в кабинет для работы с поступившими материалами. Серый конверт она оставила у заведующего под распиской: его происхождение не было установлено, и уносить его из служебного помещения она не собиралась. В комнате было прохладно. Она включила лампу, подложила под письмо чистый лист и снова прочла первые строки, не касаясь бумаги.

Почерк неровный, но уверенный. «Если обещание ещё

можно исполнить…» Дальше — просьба отдать жетон человеку, который знает, зачем его сделали. Ни имени, ни даты. Не доказательство, что речь о фонарях, не доказательство, что Вера Андреевна вообще получила письмо от автора. Только слова, оставленные человеком, который рассчитывал, что адресат поймёт намёк.

Жетон лежал рядом. Лада повернула его к свету. С обратной стороны, возле края, виднелись мелкая буква и две цифры: «Н-17». Она до этого смотрела на изображение фонаря и не заметила метку.

Лада не стала решать за всех, что означала буква. Записала расположение и вид знаков, сделала снимок на служебный аппарат, затем убрала жетон в прозрачный пакет и указала время осмотра. Пакет она передала Савельеву, чтобы он внёс предмет в журнал временного хранения как полученный от неё по расписке, а не как найденный в архиве.

— Н-17, — прочитал он, принимая пакет. — Адрес?

— Возможно. Но это пока только предположение.

— Удобно было бы, — сказал Савельев. — Слишком удобно, чтобы сразу верить.

— Именно.

Она вернулась к столу и открыла каталог старых дел. До середины дня оставалось несколько часов. Номер договора из описи она ещё не знала, поэтому просмотрела карточки по Набережной. Часть записей была заведена по фамилиям, часть — по названиям учреждений, а старые номера вели

к коробкам, которые после переезда архива переставили на другой стеллаж.

На одной карточке нашлась отметка о передаче документов по дому № 17 в городской отдел имущества. Дата была на несколько лет позже продажи. Лада переписала реквизиты и проверила соседние карточки: похожих передач по этому адресу не значилось. Лада решила изменить намеченный порядок: запросить коробку до получения копий Гордеевой, ограничившись проверкой архивной описи. Связывать её с наследством было ещё рано.

Она внесла запрос в журнал и подписала его своим именем. Савельев прочитал, поставил разрешение на выдачу и позвонил в хранилище. Пока ждали, Лада проверила вчерашний перечень комиссии. Номер другого дела оставался там без названия и без пояснений. Она не стала ставить рядом фамилию Рудина: совпадение могло оказаться всего лишь совпадением.

Через полчаса принесли коробку с потёртой крышкой. Сотрудник хранилища остался у двери, пока Лада сверяла номер и состояние упаковки, затем ушёл, закрыв за собой дверь. Савельев наблюдал, как она снимает бечёвку и записывает, в каком порядке лежат папки.

Внутри нашлись копии актов, переписка по границам участка и два листа с номерами договоров. Договора продажи не было. Не было и свидетельства о передаче фонарей. Зато в описи вложений значился «план освещения на-

бережной, приложение к акту сдачи». Лада проверила карманы папки, перелистала лист за листом и отметила отсутствие приложения в рабочем экземпляре.

— Значит, его изъяли? — спросил Савельев.

— Или не подшили сюда. Запись подтверждает только то, что приложение когда-то числилось среди материалов.

— А жетон?

— К этому делу пока не относится.

Она составила акт о расхождении между описью и фактическим содержимым, приложила перечень найденных документов и указала, что оригиналы договора и свидетельства в коробке не обнаружены. Савельев подписал акт как заведующий. Лада убрала его в рабочую папку, не присоединяя к материалам о пропавшем свидетельстве: сначала следовало установить, какой именно документ описывался в наследственных бумагах и имел ли он отношение к этой описи.

Когда она закончила, пришло письмо от нотариуса. К сообщению были приложены копия наследственной описи и заверенный фрагмент приложения к договору продажи. Лада проверила электронную подпись, распечатала файлы и позвонила Гордеевой, чтобы подтвердить, что получила их.

В описи имущества рядом с именем Веры Андреевны значился жетон с изображением фонаря. Н-17 в записи не было. В заверенном фрагменте договора указывалось, что к материалам сделки прилагалось свидетельство о передаче городских фонарей новому владельцу участка, но самого свиде-

тельства в папке нотариуса не сохранилось.

Лада провела пальцем по краю листа, не касаясь печати. Теперь совпадали не просто адрес и предмет: один документ прямо ссылался на другой, которого не было ни у наследника, ни у нотариуса. Но фрагмент ничего не говорил о выплате матери Павла Рудина и не доказывал, что отсутствие свидетельства стало причиной её потери.

Она внесла копии в журнал входящих документов, указала нотариуса как источник и поставила время получения. Затем дописала в рабочей заметке: «Связь с делом передачи фонарей подтверждена упоминанием документа в заверенном фрагменте договора; личность ответственного и обстоятельства утраты не установлены».

Савельев прочёл запись через плечо.

— Будете звонить Рудину?

— Нет. Сначала через нотариуса уточню, согласен ли он на разговор и что именно готов подтвердить. Его заявление о потере денег — это пока его утверждение.

— Правильно.

Лада закрыла коробку и закрепила на ней бирку о возврате в хранилище. До конца рабочего дня оставалось достаточно времени, чтобы передать запрос по найденному делу, но не достаточно, чтобы получить ответ. Она оформила его через заведующего, вложила копию акта о расхождении и оставила оригиналы в запертом шкафу архива.

Письмо осталось у Савельева под распиской. Жетон — в

пакете временного хранения. Копии нотариуса лежали в папке Лады, уже зарегистрированные, но ещё не приобщённые к делу о пропавшем свидетельстве.

Когда за окнами начали загораться фонари, Лада перечитала свою запись и исправила одно слово: вместо «подтверждает» написала «указывает». Бумаги стали говорить больше, чем утром, но не всё, что от них хотел услышать Павел Рудин. Завтра она должна была выяснить, готов ли он отделить проверяемые факты от требования, с которым пришёл к нотариусу.

Лада вспомнила, как утром получала пакет.

— Курьер принёс вчера, пока вы уже ушли, — сказал тогда Савельев. — Сказал, лично в руки. Я расписался, потому что на конверте было ваше имя.

— Вы проверяли, не вскрыт ли он?

— При мне не вскрывали. Бечёвка целая.

Лада посмотрела на узел. Он был затянут просто, без пломбы, но бумага вокруг не смялась. Савельев подвинул к ней журнал выдачи. В строке значились время, фамилия курьера и подпись заведующего.

— Я не хочу открывать это без отметки, — сказала Лада.

— Тогда сначала запишите получение.

Она поставила дату и время, расписалась и попросила Савельева указать, что конверт передан ей нераспечатанным. Он внёс запись рядом, своим почерком. Только после этого Лада развязала бечёвку.

Внутри лежали сложенный лист, небольшая карточка и металлический жетон, завёрнутый в полоску пожелтевшей бумаги. На одной стороне жетона была выбита цифра 17 и проступали буквы «Л.Ф.», на другой — крошечный рисунок фонаря. Лада положила жетон на чистый лист.

— Обычная бирка? — спросил Савельев.

— Возможно.

Он принял поправку без раздражения и придвинул лампу. Лада развернула лист. Это было то самое недатированное письмо. Между просьбой передать жетон знающему человеку и последней, дважды подчёркнутой строкой «Если свидетельство спросят, не отвечайте, что его не было» стояли слова, которые Лада утром лишь пробежала глазами:

«Если свидетельство о передаче участка не найдётся, проверьте приложение к договору. Павлу обещали долю от дохода с фонарей. Обещание было дано не на словах».

Под подписью стояли инициалы, разобрать которые без увеличительного стекла было трудно.

Лада прочла записку второй раз, уже медленнее.

— Тут не сказано, кто обещал, — произнёс Савельев.

— И не сказано, что долю действительно должны были выплатить. Это письмо ссылается на приложение, но само приложение не прилагается.

— Зато указывает, где искать подтверждение обещания.

— Возможно. Но мы пока даже не знаем, от кого письмо.

Она перевернула лист. На обороте проступал слабый от-

печаток печати, будто бумагу когда-то положили поверх документа с круглым штампом. Ни даты регистрации, ни номера дела. Карточка оказалась визиткой нотариальной конторы на улице Мельничной. На ней от руки добавили: «Для Лады Невской. Позвонить до визита».

Савельев посмотрел на часы.

— Позвоните ещё раз. Нужно уточнить, что именно они могут передать.

Здесь воспоминание перескочило к повторному разговору: Гордеева уже назвала наследника и обещала прислать копии. Лада набрала номер с визитки, назвала себя и дождалась соединения. Нотариус попросила не диктовать содержание письма по телефону и уточнила, в каком качестве Лада работает с материалами.

— Архивное дело о пропавшем свидетельстве, — ответила Лада. — Письмо ссылается на приложение к договору передачи участка и на обещанную Павлу Рудину долю дохода. Есть ли у вас документ, который подтверждает эту ссылку?

— Есть копия фрагмента договора. Заверенная копия, не оригинал. Мы не отправляли её, потому что наследник должен был дать согласие на передачу сведений. Он согласился вчера.

Лада сжала край стола.

— Павел Рудин?

— Да. Но он разрешил передать только документы, относящиеся к обещанной доле и участку. Обсуждать его семей-

ные обстоятельства он не согласен. И ещё он просил, чтобы вы не воспринимали фрагмент как доказательство задолженности.

Савельев отвернулся к окну, давая ей говорить без свидетеля.

— Он уже обращался с таким требованием?

На другом конце возникла короткая пауза.

— Он обращался за разъяснением наследственных прав. Сумму, которую считает утраченной, назвал сам. Нотариальные документы её не подтверждают. Мы можем принять вас завтра утром, показать копию в присутствии нотариуса и выдать заверенный экземпляр для архива.

— А сегодня?

— Сегодня могу отправить скан на служебную почту, если вы подтвердите адрес письменно. Но для дела лучше получить копию с отметкой и зафиксировать, кто именно её передал.

Лада посмотрела на часы. До конца рабочего дня оставалось больше часа. Она попросила Савельева подготовить служебный запрос, а сама продиктовала нотариусу адрес архива и номер факса. Разговор не разрешил главного, но изменил порядок действий: теперь существовал проверяемый путь от письма к договору, а согласие Рудина имело конкретные границы.

— Он хочет, чтобы мы подтвердили его потерю, — сказал Савельев, когда она положила трубку.

— Он хочет, чтобы мы проверили документы. Это не одно и то же.

— А если в договоре действительно есть доля?

— Тогда сначала выясним условия. Срок, источник дохода, кто отвечал за выплату. И только потом будем говорить о том, что именно он потерял.

Она вложила письмо обратно в конверт, а жетон оставила в кармашке. Савельев предложил убрать пакет в сейф, но Лада попросила оформить временное хранение отдельно: письмо — как поступившее без почтовой пересылки, жетон — как предмет, происхождение которого ещё предстоит установить. На конверте поставили номер, затем оба расписались на клапане.

Перед уходом Лада задержалась у стола, чтобы ещё раз сверить адрес нотариальной конторы. Улица Мельничная находилась в старой части Лесогорска, в квартале от бывшей пристани. Это ничего не доказывало, но объясняло, почему документы о передаче участка могли храниться именно там: контора обслуживала несколько семей, владевших землёй вдоль берега.

— Завтра поедете одна? — спросил Савельев.

— Да. Рудин согласился передать сведения нотариусу, а не мне лично. Я не стану превращать его разрешение в другое.

— А если нотариус спросит, что именно вы ищете?

— Скажу правду: связь между свидетельством и догово-

ром. Не признание его требований.

Савельев кивнул. В архиве снова стало слышно, как дождевые капли стучат по металлическому отливу. Лада внесла пакет в журнал временного хранения и заперла его в шкафу. Завтра она должна была увидеть документ, который письмо только называло, и узнать, подтверждает ли он обещание или лишь существование бумаги, на которую Рудин возлагал слишком многое.

Рудин ответил не сразу. В трубке слышалось шуршание, будто он перекладывал бумаги, хотя Лада не могла знать, был ли он дома или в конторе.

— Вы получили письмо? — спросил он наконец.

— Да. Вместе с жетоном. Вы отправили пакет?

— Я передал его курьеру. Он должен был вручить лично.

Лада посмотрела на Савельева. Тот молча указал на закрытый шкаф, где лежал пакет.

— На конверте нет почтового штемпеля, — сказала она. — И в письме вы называете долю в доходе от участка. Мне нужно понять, на каком основании вы считаете, что она существовала.

— На основании договора. Его заключили давно, ещё до того, как я родился. Моя мать говорила, что семье обещали часть денег от аренды берега.

— Кто именно обещал?

— В письме это есть.

Лада отперла шкаф, достала пакет, вскрыла конверт и по-

ложила письмо на стол оборотной стороной вверх. На обороте не было ни подписи, ни даты, только короткая приписка: «Договор хранится у нотариуса на Мельничной. Жетон подтверждает, что он наш».

— Здесь не указано, кто дал обещание, — сказала она.

— Поэтому я и прошу вас помочь.

— Вы просите подтвердить то, чего я пока не видела.

— Я прошу проверить.

В его голосе не было нажима. Скорее усталость, которую он старался удержать подальше от слов. Лада не стала заполнять паузу сочувствием.

— Как давно вы знаете о договоре?

— С детства. Мать иногда говорила, что деду должны были платить. Но никаких денег мы не получали. Я думал, она просто не хотела объяснять, почему мы живём так, как живём.

— А жетон?

— Нашёлся в её вещах после похорон. Я не знаю, что он открывает. На нём номер и буква «Р». Мать всегда говорила, что это от старой пристани.

— Вы пробовали выяснить, что означает номер?

— Спрашивал в порту. Там ничего не нашли. Потом обратился в архив, но мне сказали, что без документа искать нечего.

Лада коснулась ногтем края письма. Жетон выглядел обычным: потемневший металл, вмятина у отверстия, циф-

ры, стёртые на одной стороне. Пока он не доказывал ни права Рудина, ни связи с берегом. Но его происхождение можно было проверить отдельно от семейной памяти.

— Вы согласны, чтобы я передала сведения нотариусу? — спросила она. — Не оригинал письма и не сам жетон. Только ваши слова и описание предмета. Нотариус сможет проверить, есть ли у него документы о договоре.

— Да. Но я хочу, чтобы вы тоже увидели договор.

— Если его найдут и собственник даст согласие на ознакомление.

— Собственник — это я.

— Вы пока не подтвердили, что имеете отношение к договору.

Он коротко выдохнул. Не возразил, но и не согласился сразу.

— Вы говорите так, будто я сам пытаюсь себе что-то приписать.

— Я говорю только о том, что мы знаем. У вас есть семейное воспоминание и жетон. Этого недостаточно, чтобы признать право на долю.

— А если всё подтвердится?

— Тогда будет следующий шаг. Но сейчас я не стану называть вашу потерю установленной.

На этот раз Рудин ответил почти сразу:

— Мать умерла, не дождавшись ни денег, ни ответа. Для меня это и есть потеря.

Лада посмотрела на его имя в черновике записи. Ей захотелось сказать, что она понимает. Она понимала лишь часть: человек мог прожить годы, опираясь на рассказ близкого, а потом остаться без возможности спросить, что было правдой, а что — надеждой.

— Мне жаль, что вы не успели обсудить это с ней, — сказала она. — Но я не буду обещать вам выплату или решение, которого у нас нет.

— Я не просил обещать.

— Хорошо. Тогда я передам нотариусу запрос о наличии договора. Если там потребуют ваше заявление или подтверждение родства, я сообщу, что именно нужно. Без лишних сведений и без копирования письма.

— А жетон?

— Пока он останется у меня на хранении. Мы оформим его отдельно от письма и не будем приписывать ему значение до проверки.

Рудин помолчал.

— Вы правда собираетесь искать связь с тем свидетельством?

Лада не ответила сразу. На соседнем столе лежала папка с решением комиссии; номер другого дела был записан в ней, но сам по себе он ничего не связывал.

— Ссылка на пропавшее свидетельство есть в заверенном фрагменте договора. Я уже зарегистрировала его и указала источник. Но эта ссылка ещё не подтверждает вашего права

на выплату.

— Понятно, — сказал он. — Тогда пусть всё будет письменно.

— Так и будет.

После звонка Савельев снял очки и потер переносицу.

— Он говорит о матери, а ты отвечаешь ему условиями хранения.

— Иначе мы подменим проверку утешением.

— Я не предлагаю объявлять его правым. Но он потерял не только деньги, если они вообще были.

— Я слышала.

Савельев посмотрел на неё внимательнее, но не стал продолжать. Лада занесла в черновик дату звонка, имя Рудина и суть его согласия: сведения о предполагаемом договоре можно передать нотариусу для проверки. Отдельной строкой указала, что права на долю не подтверждены, а жетон не идентифицирован.

Савельев прочитал запись.

— Понимаю, зачем ты это разделила, — сказал он. — Но если нотариус ничего не найдёт?

— Тогда мы узнаем, что в этой конторе договора нет. Не больше.

— А если найдёт?

— Тогда будем читать его, а не семейное воспоминание вместо него.

Лада позвонила в нотариальную контору сама. Назвала

фамилию Рудина, адрес архива и сообщила, что готова передать сведения только с его согласия. Секретарь уточнила, есть ли у неё оригинал документа.

— Нет, — ответила Лада. — У меня только письмо и предмет, происхождение которого пока не установлено.

— Без заявления заинтересованного лица и проверки по реестрам мы не сможем сообщить вам содержание чужого дела, — сказала секретарь. — Пусть Рудин обратится лично. Если в архиве конторы сохранился договор, нотариус объяснит, кто вправе с ним ознакомиться.

Лада записала фамилию секретаря и время разговора. Существование договора уже подтверждал полученный от Гордеевой и зарегистрированный заверенный фрагмент; повторный запрос требовалось уточнить: речь шла о доступе к полному тексту и проверке условий выплаты. Она передала Рудину порядок обращения, не обещая ускорить процедуру.

Когда она закончила, Савельев придвинул к себе пакет.

— Его убрать в сейф?

— Сначала переоформим прежние записи и заменим упаковку. Письмо отдельно, жетон отдельно.

— Он ведь прислал их вместе.

— Это не делает их одним доказательством.

Они внесли в журнал описание конверта и письма, указали, что пакет передал курьер без почтовой пересылки. Для жетона завели отдельную строку: металл, форма, видимые отметки, состояние. Ни слова о том, что он принадлежал се-

мье Рудина или открывал хранилище. Это было заявлено по телефону, но ещё не подтверждено.

Савельев подписал запись и передал ручку Ладе.

Она проверила каждую дату, затем закрыла журнал. Пакет оставался на столе, пока Савельев готовил шкаф. Лада не позволила ему убрать жетон в тот же карман, что и письмо: вложила его в отдельный прозрачный конверт, заклеила клапан и попросила обоих расписаться на линии скрепления.

Только после этого Савельев запер оба конверта в сейфе.

— Завтра узнаем, стоит ли продолжать, — сказал он.

— Завтра узнаем, получим ли доступ к полному тексту договора, — поправила Лада. — Продолжать или нет будем решать по нему.

На следующее утро Лада пришла в архив к открытию. В коридоре ещё пахло мокрой шерстью: кто-то из сотрудников уже успел повесить пальто на батарею. Савельев ждал у кабинета, держа связку ключей в ладони.

— Рудин звонил, — сказал он. — Будет к десяти. Просил не открывать пакет без него.

— Мы и не собирались.

— Я ему объяснил, что доступ к письму не означает доступ к делу.

Лада сняла перчатки и положила их на подоконник.

— Он что-нибудь подтвердил документами?

— Пока ничего. Сказал, принесёт заявление и всё, что найдёт дома.

Савельев отпер кабинет. На столе лежал журнал поступлений, раскрытый на вчерашней записи. Лада сверила номер сейфовой ячейки и расписалась в графе проверки. Потом они вместе прошли в хранилище. Савельев открыл сейф при ней и отступил в сторону. На отдельной полке лежали два конверта: письмо — в прозрачном конверте с заклеенным клапаном и подписями на скреплении, жетон — в отдельном прозрачном пакете.

Подписи не были затронуты.

Лада проверила это при Савельеве и записала время. Ни один предмет они не вынимали.

— Всё на месте, — сказал он.

— Пока да.

Он взглянул на неё, будто собирался возразить, но ограничился коротким кивком. В архиве осторожность часто принимали за недоверие. Лада уже не тратила силы на то, чтобы каждому объяснять разницу.

К десяти Рудин не пришёл. В половине одиннадцатого секретарь передала Ладе, что его ждут у служебного входа. Он стоял там без пальто, держа под мышкой плоскую папку. Волосы на висках потемнели от дождя.

— Я не хотел заходить через главный, — сказал он. — Там посетители. Не нужно, чтобы они видели.

— Что именно?

— Меня. И то, что я принёс.

Лада не стала спрашивать, чего он опасается. Она провела

его в приёмную и оставила дверь кабинета открытой. Рудин положил папку на стол, но не выпустил из рук.

— Это не доказательство, — сказал он. — Просто бумаги, которые были у матери. Я не знаю, имеют ли они отношение к письму.

— Тогда начнём с заявления. Укажите, что именно передаёте и откуда это у вас.

Он посмотрел на неё.

— Вы будете читать письмо?

— Не без оформления и не только потому, что вы просите.

— Я не прошу. Я хочу знать, что там написано.

— Это не одно и то же.

Рудин сел. Папку положил перед собой, расстегнул застёжку и достал два листа в прозрачных файлах. Верхний был бледной копией свидетельства о праве на наследство. Лада не потянулась к нему.

— Оригинал у вас? — спросила она.

— Дома. Это копия, которую мать хранила вместе с бумагами на квартиру. Я привёз её, потому что там указана фамилия нотариуса. Той самой конторы, откуда отправили пакет.

— А второй лист?

— Выписка из старой тетради. Не нотариальная. Мамин почерк.

Лада прочла первую строку, не вынимая лист из файла.

«Передать в архив конверт и латунный жетон. Если Роман придёт сам, не отдавать ему письмо, пока не выяснится, что стало с записью». Ниже стояла дата, почти стёртая сгибом, и подпись, которую Рудин назвал материнской.

— Вы знали об этой записи? — спросила Лада.

— Нет. Нашёл вчера вечером. После вашего звонка.

— Почему она просила не отдавать письмо?

— Не знаю. Мама умерла два года назад. Мы почти не говорили о старых делах.

Его пальцы крепче сжали край стола. Лада отметила про себя: он не сказал «не хотела». Сказал — не говорили.

— Кто такой Роман? — спросила она.

— Мой дядя. Роман Рудин. Он младший брат матери. Живёт в Лесогорске, но мы давно не общались. Жетон, по словам матери, был у него. Я предположил, что он от хранилища. Не знаю, от какого.

Лада попросила его не трогать листы и позвала Савельева. Тот вошёл, выслушал, затем подвинул к Рудину бланк заявления.

— Мы можем принять копии на временное хранение, — сказал он. — Но сначала опишите источник. Оригиналы остаются у вас, если вы не готовы передать их официально.

Рудин перечитал строку в тетради.

— Если я заберу это сейчас, вы не узнаете, связано ли письмо с делом.

— Если оставите без заявления, мы не сможем указать,

кто и когда передал листы, — ответила Лада. — Решение за вами.

Он помолчал. За дверью кто-то прошёл по коридору, звякнуло стекло в шкафу. Рудин медленно взял ручку.

В заявлении он указал, что копии обнаружил в домашних бумагах матери накануне вечером, а связь с письмом предполагает, но не утверждает. В строке о родственниках написал имя дяди полностью: Роман Сергеевич Рудин.

Савельев принял листы по описи. Лада сверила каждую страницу, внесла номер в журнал и поставила рядом пометку: «содержание не подтверждено независимым источником». Только после этого Рудин отодвинулся от стола.

— Значит, вы позвоните дяде?

— Нет, — сказала Лада. — Вы можете обратиться к нему сами. Мы не будем втягивать человека в дело только по записи, происхождение которой пока устанавливаем.

— А письмо?

— Оно остаётся закрытым до оформления доступа.

Рудин встал. На этот раз папку он оставил на столе.

— Я думал, если привезу всё, станет понятнее.

— Стало понятнее, что у вашей матери была причина не отдавать письмо без проверки. Это пока всё, что мы можем сказать.

Он посмотрел на закрытую дверь сейфа за стеклом кабинета.

— А если дядя знает, что там?

— Тогда он может рассказать это сам. Но его слова не заменят документы.

Рудин забрал копию заявления и вышел через приёмную. Лада проводила его взглядом до поворота коридора, затем вернулась к столу. В графе о предмете она исправила «жетон от хранилища» на «металлический жетон, возможное назначение не установлено».

Письмо по-прежнему оставалось запечатанным. Теперь рядом с ним лежала запись, объяснявшая, почему его нельзя было открыть по первому требованию, но не объяснявшая, что именно скрывала мать Рудина.

Лада закрыла журнал и попросила Савельева не менять порядок хранения до следующей проверки. Впервые за два дня у них появилась не версия, а фамилия человека, которого можно было спросить. Но прежде чем звонить ему, Рудину предстояло решить, готов ли он услышать ответ.

Через несколько минут в приёмной звякнул телефон. Лада подняла голову от журнала. Савельев, стоявший у шкафа, посмотрел на часы и вышел узнать, кто звонит.

Вернулся он не сразу. Дверь кабинета осталась приоткрытой, и Лада услышала, как заведующая коротко сказала кому-то:

— Он ещё здесь. Подождите.

Рудин стоял у окна в конце коридора. Куртку он уже надел, но застегнуть не успел: пальцы зацепились за молнию. Услышав шаги Савельева, он обернулся.

— Это дядя, — сказал он. — Я попросил его не приезжать, пока не решу, что делать. Он сам позвонил.

— Вы можете поговорить с ним где угодно, — ответила Лада. — Но здесь разговор не станет частью дела без вашего заявления и его согласия.

— Я знаю. — Рудин наконец справился с молнией. — Я не собираюсь просить вас записывать его слова. Можно я выйду на улицу и поговорю там?

Савельев посмотрел на Ладу. Она закрыла журнал и убрала ручку в ящик.

— Конечно, — сказала она. — Только не забирайте принятые по описи копии. Они должны остаться в кабинете.

Рудин кивнул и вернулся к столу. Проверил папку, будто опасался, что с тех пор, как он от неё отошёл, бумаги могли измениться, затем положил в карман копию заявления.

— Если он захочет приехать, — сказал он, — я сначала спрошу, можно ли назначить время.

— Это разумно.

Он вышел. С улицы донёсся глухой стук двери, потом всё стихло.

Савельев прикрыл кабинет и запер сейф. Лада тем временем перечитала свою запись о металлическом жетоне. В описи предмет значился приложением к заявлению Рудина, но никакой связи между ним и письмом пока не было. Она добавила дату передачи и указала, что жетон находится в отдельном прозрачном пакете с подписями на клапане, кото-

рый хранится вместе с прочими материалами. Ни в руках, ни рядом с конвертом ему больше делать было нечего.

— Ты думаешь, он вернётся? — спросил Савельев.

— Не знаю.

— Хороший ответ.

Она подняла на него глаза.

— Другого у меня пока нет.

До обеда Рудин не появлялся. Лада закончила сверку двух заявлений, внесла замечание по одному из них и отнесла листы в кабинет заведующей. Когда возвращалась, через окно на лестничной площадке заметила Рудина у ворот. Он стоял боком к улице, телефон прижал к уху. Говорил негромко, но по напряжённым плечам было видно, что разговор даётся ему нелегко.

Она не остановилась. У лестничной двери Рудин сказал:

— Нет, я не прошу тебя пересылать письмо. Я хочу понять, почему мама написала, что сначала надо спросить тебя.

Пауза. Он отвернулся от ворот и посмотрел на фасад архива.

— Не здесь. Я не буду обсуждать её письма по телефону.

Лада прошла дальше, не услышав ответа. У двери приёмной её догнал Савельев.

— Он говорил, что мать оставила у дяди какие-то бумаги?

— Нет. Он сказал только, что в записи матери упомянут дядя. Это не значит, что бумаги у него.

— Понимаю.

Рудин вошёл в архив через несколько минут. Телефон он убрал в карман, лицо стало бледнее, чем прежде. Он остановился возле приёмной, не заходя в кабинет.

— Я поговорил с ним, — сказал он. — Он согласен приехать завтра. Но только если вы дадите мне время. Не потому, что ему есть что скрывать. Он просто хочет сначала прочитать то, что я ему покажу.

— Что именно вы собираетесь показать?

— Копию заявления и копию той страницы, где мать упомянула его. Не оригинал. Я не стану отдавать ему ваше дело.

Лада посмотрела на Савельева. Тот не вмешивался.

— Эти копии принадлежат вам, — сказала она. — Но прежде чем передавать страницу с чужими персональными данными, мы должны проверить, можно ли её выдавать. Сейчас она хранится в материалах обращения, а не в открытом архиве.

— Тогда я покажу только своё заявление.

— Это ваше решение.

— А вы сможете поговорить с ним завтра? Чтобы он не решил, будто я пришёл сюда за подтверждением своей версии.

— Если он сам согласится и мы оформим встречу по правилам.

Рудин медленно выдохнул. Из кармана достал сложенный лист, но не подал его Ладе.

— Он спросил, был ли у мамы металлический жетон. Я не

успел ответить. — Рудин развернул бумагу. Это была копия его заявления, которую он забрал утром. — Я написал здесь про предмет, который нашёл в коробке. Хотел спросить у него, узнаёт ли он его.

— Жетон всё ещё у нас. Вы можете спросить дядю о нём, но пока нельзя считать его слова установлением назначения предмета.

— Я понимаю. — Он задержал взгляд на исправленной записи. — Вы написали «возможное назначение не установлено».

— Потому что оно не установлено.

Рудин сложил лист по прежнему сгибу.

— Тогда завтра я спрошу его только об одном: видел ли он такой предмет раньше. А если видел, когда и у кого.

— Запишите ответ своими словами после разговора. Не пытайтесь подогнать его под то, что уже есть в деле.

— Хорошо.

Он не попросил Ладу поверить ему и не стал настаивать, чтобы она присутствовала при разговоре. Вместо этого спросил, в какое время на следующий день можно прийти с дядей. Савельев предложил десять утра, если до того момента будет оформлено согласие на беседу. Рудин записал время на полях копии и убрал её обратно.

Когда он направился к выходу, Лада не пошла следом. Она дождалась, пока дверь закроется, затем внесла в журнал короткую отметку: «Посетитель сообщил о согласии род-

ственника на встречу. Время предварительное, документы не представлены». Не больше того, что действительно произошло.

Савельев прочитал запись через её плечо.

— Завтра у нас может появиться человек, который знает, что это за жетон.

— Может появиться человек, который его видел, — поправила Лада. — Это разные вещи.

— Ты права.

Она промокнула строку и закрыла журнал. За окном Рудин уже пересёк двор. У ворот он остановился, достал телефон, но на этот раз не позвонил. Несколько секунд смотрел на экран, потом убрал его и пошёл к остановке.

В архиве остался запертый конверт, отдельно принятый пакет и вопрос, на который теперь мог ответить не документ, а человек. Ответа у Лады всё ещё не было. Зато стало ясно, что Рудин не собирается добиваться его любой ценой: он оставил письмо закрытым и согласился начать с того, что можно проверить.

Глава 2. Копия лодочного журнала

Утром Роман Лавров пришёл в архив с папкой под мышкой. Лада увидела его через стекло двери: он остановился у стойки, назвал себя и дождался, пока дежурная позвонит Савельеву. Не прошёл сам, хотя его здесь уже знали.

Когда Савельев открыл дверь, Роман коротко кивнул ему и только потом посмотрел на Ладу.

— У меня есть независимое свидетельство, — сказал он. — Не про то, где сейчас свидетельство. Про жетон.

Слово повисло между ними. Лада не спросила, откуда он узнал о вчерашнем разговоре с Рудиным: ответ, скорее всего, был простым, но это не делало его проверенным.

— Что именно ты принес?

— Копию записи из старого журнала лодочной станции. Я получил её не от Рудина.

— От кого?

— От человека, который работал там в нужное время. Он согласился поговорить, но просил не называть его имя, пока не поймёт, что именно мы хотим проверить.

Лада посмотрела на папку в его руке.

— Тогда сначала покажи источник копии. Потом решим, что можно спрашивать у человека.

В комнате для работы с посетителями Савельев освободил край стола. Роман положил папку перед собой, но не раскрыл её сразу.

— Я не хочу, чтобы это выглядело как попытка обойти порядок, — сказал он. — Поэтому оригинал у владельца. Он прислал заверенную копию страницы и отдельно написал, где хранится журнал.

— Кто заверил копию?

— Нотариус. А владелец — бывший начальник станции.

Лада протянула руку не к листам, а к конверту. Роман заметил это и подвинул папку ближе.

Копия была сделана с разворота, на котором тесно стояли даты, фамилии и короткие отметки о выдаче ключей. В правом верхнем углу виднелись подпись нотариуса и дата заверения. Лада сначала сверила её с сопроводительным письмом, затем прочла запись, которую Роман обвёл карандашом: «Ключ от шкафчика № 4 — выдан Н. В. С. Возвращён после закрытия». Ни слова о жетоне.

— Ты говорил, что это свидетельство про него, — сказала она.

— Про жетон — нет. Про шкафчик, где его могли оставить.

— Могли?

— В тот день человек, с которым я говорил, видел похожий жетон у дежурного. Он считает, что тот собирался положить его в шкафчик.

— Считает или помнит?

Роман отвёл взгляд от листа.

— Сначала сказал: «Видел, как положили». Потом уточнил, что самого движения не помнит. Помнит жетон на стойке и что шкафчик был открыт.

Лада отметила про себя разницу. Маленькая, но существенная: вещь на стойке не становилась вещью в шкафчике оттого, что рассказчик соединил два воспоминания.

— Когда была сделана запись?

— Пятнадцатого ноября. Время не указано.

— А какое число тебя интересует?

— Двадцать первое. День, когда, по словам Рудина, жетон впервые появился в семейных бумагах.

Савельев наклонился над копией.

— Здесь другое число. Запись от пятнадцатого ноября, а не от двадцать первого.

— Это и есть проблема, — сказал Роман. — Человек помнит, что разговор у стойки был ближе к концу месяца. Но журнал показывает, что ключ от шкафчика выдавали раньше.

Лада перевернула лист, проверила печати на обороте и вернулась к строке.

— Пока мы знаем только, что ключ выдавали. Не кому именно: инициалы можно прочитать по-разному. И не что в шкафчике лежал жетон.

— Я согласен.

— Тогда зачем ты назвал это свидетельством?

Он выдержал паузу.

— Потому что оно независимо от рассказа Рудина. И потому что дата может оказаться важной.

Лада закрыла папку, не убирая копию внутрь.

— Где сейчас этот человек?

— В городе. Он работает в мастерской у вокзала. Сказал, что будет там до полудня.

— Ты уже договорился о встрече?

— Да. Но он не знает, что мы собираемся спрашивать о семейных связях.

— Почему?

— Потому что я сам пока не знал, что именно смогу подтвердить.

Это прозвучало не как оправдание. Роман говорил негромко и держал ладони на столе, не пытаясь забрать листы обратно.

Лада позвонила в мастерскую со служебного телефона. Мужчина ответил после третьего гудка. Представившись, она объяснила, что хочет сверить одну запись из журнала станции и задать несколько вопросов о жетоне. Никаких обещаний конфиденциальности она не давала; вместо этого сказала, что перед разговором объяснит, где и как будут зафиксированы его слова.

— Я не хочу, чтобы меня втянули в чужую ссору, — отозвался он.

— Я тоже не хочу втягивать вас туда. Поэтому пока не называю запись доказательством чего-либо. Вы можете отказаться от разговора.

В трубке помолчали.

— Приходите с Лавровым. Но без Рудина.

— Хорошо. Через сорок минут?

— Через сорок.

Лада записала время, имя собеседника и номер телефона в рабочую тетрадь. Роман следил за её рукой.

— Ты знала, что он согласится?

— Нет.

— Но позвонила.

— Потому что он мог согласиться. Это не одно и то же.

До мастерской они пошли пешком. У перекрёстка Роман придержал дверь небольшой пекарни, пропуская Ладу вперёд, и остался снаружи, пока она покупала воду. Он не предложил поговорить о них, и она не стала заполнять тишину. За последние дни Лада поняла, что молчание может быть просто отсутствием разговора, а не приглашением к расшифровке.

Мастерская оказалась узким помещением за магазином запчастей. Внутри пахло металлом и горячей пылью. Мужчина лет шестидесяти стоял у верстака, на котором лежал разобранный фонарь. Он вытер пальцы о тряпку, но к рукопожатию не потянулся.

— Я Николай Васильевич, — сказал он. — Роман звонил. Только сразу: я ничего не подписывал и в архив не ходил.

— Мы не просим вас подтверждать то, чего вы не помните, — ответила Лада. — У нас есть копия записи о выдаче ключа от шкафчика. Хотим понять, ваша ли это отметка и что она означает.

Мужчина взял лист, поднёс к лампе и долго рассматривал.

— Моя подпись, — сказал он. — Но инициалы не мои. Здесь «Н. В. С.». Это мог быть Никита Савин. Он тогда на смене был.

— Вы уверены, что он получил ключ?

— Не уверен. В журнале так не написано. Я подписал

страницу в конце смены, вот и всё.

Роман чуть подался вперёд.

— А жетон на стойке вы помните?

Мужчина положил копию на верстак.

— Помню круглый латунный жетон. На нём была выбита цифра четыре. Его принёс Никита. Сказал, что нашёл возле старой лодочной кассы.

— Вы видели, куда он его положил? — спросила Лада.

— Нет. Я ушёл раньше.

— Вы говорили, что жетон могли оставить в шкафчике?

— Я сказал, что шкафчик был открыт. Дальше вы уже сами додумали.

Он посмотрел на Романа, и тот не возразил.

Лада уточнила дату. Николай Васильевич не помнил числа, но назвал обстоятельство: в тот день сломался замок у бокового входа, и смену закрывали раньше. В журнале ремонта должна была быть запись. Это можно было проверить, но пока слова мужчины оставались словами.

— Никита Савин связан с семьёй Лады? — спросил Роман.

Николай Васильевич нахмурился.

— С Невскими? Его мать работала у них в доме. А сам он потом женился на двоюродной сестре Лады, если я правильно помню.

Лада не пошевелилась. Она знала, что у матери была двоюродная сестра, но никогда не слышала имени её мужа. Не

перепутал ли Николай Васильевич поколения, назвав эту родственницу двоюродной сестрой самой Лады? В семейных бумагах, которые она проверяла, фамилии Савин не встречалось.

— Вы можете подтвердить это документом? — спросила она.

— Нет. Это всем известно было.

— Тогда пока это не факт, — сказала Лада. — Но это уже причина проверить родство.

На улице Роман остановился у витрины закрытого магазина.

— Я должен был сказать тебе раньше, что в моём рассказе есть пробел, — произнёс он. — Я решил, что если сначала найду страницу, смогу принести что-то точное.

— Ты принёс страницу. Она точная. А вывод — нет.

— Да.

Лада убрала копию в папку и защёлкнула застёжку.

— Я внесу её как копию записи о выдаче ключа. Слова Николая Васильевича отдельно, с указанием, что он помнит, а чего не помнит. Родство проверю по документам.

— А если подтвердится?

— Тогда выясним, почему жетон оказался у человека, связанного с моей семьёй. Но пока мы не знаем ни кто именно его оставил, ни где он был потом.

Роман кивнул. Противоречие не приблизило их к пропавшему свидетельству так, как он надеялся. Зато теперь у Ла-

ды появился проверяемый след к собственной семье, и отложить его до удобного времени уже не получалось.

В архив они вернулись разными дорогами. Лада внесла копию в журнал приёма, указала источник, дату заверения и ограничение: запись подтверждает выдачу ключа, но не присутствие жетона в шкафчике. Рядом оставила место для следующей отметки — после проверки журнала ремонта и семейной связи Савина с Невскими.

На этот раз номер чужого дела был не единственной ниткой, ведущей за пределы архива. Но Лада не позволила ей стать ответом раньше доказательств.

Савельев подвинул к Ладе чистый лист, но она не взяла ручку.

— Сначала нужно понять, что именно мы проверяем, — сказала она. — Не фамилию Савин и не жетон вообще. Дату выдачи ключа и дату поломки замка бокового входа, чтобы уточнить день появления жетона.

Роман положил папку на край стола. Не раскрыл — ждал, пока Лада закончит запись в журнале.

— Николай Васильевич помнит, что ключ выдавали Савину, — сказал он. — Но не уверен в месяце.

— Он уверен, что это был Савин, а не человек, которого так называли?

— Уверен в фамилии. Они вместе работали на станции. Но про жетон он не говорил, что видел его у Савина.

Савельев снял очки и протёр стекло краем платка.

— Если старый журнал уцелел, фамилия и дата там должны быть. Только он не в архиве. Ремонтные журналы лодочной станции передали в городское хозяйство, когда станцию закрыли.

Лада открыла папку с решением комиссии и нашла на полях прежнюю отметку о запросе по ведомственным архивам. Запрос подавали давно — о судьбе документов станции, без указания конкретного журнала. Ответ пришёл формальный: часть бумаг передана, часть утрачена, перечень неполный.

— Это не подтверждение, что журнал существует, — сказала она. — И не подтверждение, что его можно получить.

— Зато есть адрес, куда направить запрос, — ответил Савельев.

Роман провёл большим пальцем по застёжке своей папки.

— Я могу связаться с Николаем Васильевичем. Он согласился ответить на вопросы, если они будут конкретными.

— Тогда позвони ему сейчас, — сказала Лада. — Не спрашивай, кто мог взять жетон. Пусть повторит только то, что помнит сам: когда выдавали ключ, где был журнал, кто присутствовал.

Роман взглянул на неё, будто хотел уточнить, будет ли она рядом, но достал телефон без вопроса. Набрал номер и включил громкую связь. После нескольких гудков ответил сухой мужской голос.

— Николай Васильевич, это Роман Лавров. Я в архиве. Со мной Лада Невская и Савельев. Можно задать вам несколько

уточнений по записи о ключе?

В трубке послышался шорох, затем пауза.

— Если опять про жетон, то я его не видел, — сказал мужчина.

— Мы не будем приписывать вам то, чего вы не помните, — ответила Лада. — Нам нужно уточнить время выдачи ключа и обстоятельства. Вы помните, в каком году работали на станции?

— Годы помню. В семьдесят восьмом пришёл, в восемьдесят шестом ушёл. Ключ Савину выдавали позже, уже после ремонта.

— Какого ремонта?

— Шкафчик у диспетчерской меняли. Старый замок заедал, новый повесили. Савин тогда попросил ключ, чтобы проверять, не отсырели ли списки. Он отвечал за инвентарь.

Лада записала формулировку, не поднимая головы.

— Вы видели, как ему передали ключ?

— Видел. У стойки, при дежурном. В журнале он расписался.

— Помните сезон?

— Осень. И это точно. К началу навигации всё уже было.

Роман тихо произнёс:

— Вы раньше говорили, что это было летом.

— Я сказал, что не помню месяца. Лето я назвал, потому что тогда чаще бывал на станции. Но если спрашивать точно — осень.

Лада поставила рядом с первой записью помету: «В мастерской свидетель не был уверен, кто получил ключ, и помнил лишь, что подписал страницу в конце смены. Роман пересказал это как уверенное воспоминание о Савине. Теперь свидетель утверждает, что видел передачу ключа и подпись получателя. Расхождение не объяснено; изменилось и указание времени. В мастерской свидетель помнил латунный жетон с цифрой четыре и говорил, что его принёс Никита. Теперь отрицает, что видел жетон. Роман перед звонком также неверно пересказал эти слова, заявив, что свидетель не говорил, будто видел жетон у Савина. Оба расхождения требуют уточнения». Затем спросила:

— Вы помните, когда ремонтировали шкафчик?

— Нет. Там бумага должна быть.

— А кто мог открывать его после выдачи ключа?

— У дежурного был свой. И у заведующего. Савин получил третий.

— Вы знаете, возвращал ли он его?

Мужчина замолчал. На заднем плане скрипнул стул.

— Не знаю. Ключи потом пересчитывали, когда станцию закрывали. Тогда уже другие люди были. Я уехал раньше.

Лада уточнила, в каком году он уехал, и попросила не пытаться восстановить отсутствующие даты наугад. Николай Васильевич повторил, что подпись Савина помнит, но сам журнал давно не видел. Разговор закончился без обещаний и без новых версий.

Роман выключил связь.

— Значит, ключ у него был, — сказал он.

— Значит, свидетель помнит, что ключ ему выдали, — поправила Лада. — Возвращение ключа он не помнит. Даты выдачи у нас нет. И доступ был не только у Савина.

Роман не спорил. Открыл папку и передал ей копию. Лада сверила её с записью в журнале: номер страницы, дата заверения, подпись выдавшего копию совпадали с тем, что она внесла раньше. На полях проступал слабый прямоугольный след от скрепки. Сам текст был разборчив: инициалы «Н. В. С.», выдача ключа от шкафчика и отметка о возвращении после закрытия. Даты выдачи не было — в копии сохранилась лишь дата заверения, поставленная много лет спустя.

— Вот почему я хотел, чтобы мы сначала увидели страницу, — сказал Роман. — Я думал, она подтвердит всё остальное.

— Она подтверждает только то, что на ней написано.

— Да.

Савельев вернулся к столу с телефонным справочником городского хозяйства. Он нашёл отдел, который мог принять запрос, и записал номер на обороте черновика. Лада подготовила короткое обращение: просила проверить наличие журнала ремонта шкафчика лодочной станции и журнала выдачи ключей за период, в который мог работать Савин. Отдельно указала, что копия записи получена независимо и что свидетель не помнит точной даты.

Она подписала запрос и отдала его Савельеву для регистрации.

— Подожди, — сказал Роман. — Там же фамилия твоей матери.

Лада не сразу поняла, о чём он. Потом вспомнила предположение Николая Васильевича: Савин женился на её двоюродной сестре. Её рука задержалась над журналом.

— Это пока слова Николая Васильевича, — сказала она.

— Да. Я не предлагаю записывать как факт.

— Но семейный риск уже есть. Если родство подтвердится, документы могут вывести на человека, которого моя семья знала. Это не причина остановить проверку.

Савельев посмотрел на них поверх очков.

— Запрос пойдёт обычным порядком. Никаких семейных сведений в нём нет.

— Так и должно быть, — сказала Лада. — Сначала документы. Потом выводы.

Роман убрал копию в папку, но не защёлкнул застёжку.

— Я не хотел подводить тебя к этому через догадку.

— Но привёл.

Он принял это без возражения.

Лада зарегистрировала запрос и поставила рядом с записью о копии ссылку на номер исходящего письма. Теперь появился конкретный следующий шаг: не поиски неизвестного владельца жетона, а проверка двух журналов и семейной связи, которую можно было подтвердить или опровергнуть.

— Сегодня больше ничего не отправляй от моего имени, — сказала она. — Если Николай Васильевич вспомнит ещё что-то, попроси его записать своими словами и поставить дату. Не пересказывай ему наши версии.

— Хорошо.

Роман застегнул папку. Между ними оставался стол, на котором лежали уже зарегистрированная копия и запрос, но Лада впервые за утро подумала не о расстоянии между ними, а о том, что фамилия Савин может оказаться не случайной записью в чужом журнале. Она не стала сообщать об этом матери по телефону. Сначала следовало выяснить, что именно можно доказать.

Роман ушёл не сразу. Он задержался у двери, пока Савельев убирал зарегистрированную копию в прозрачный файл, и посмотрел на Ладу — не ожидая, что она его остановит, но оставляя ей возможность сказать ещё что-нибудь.

Она не сказала.

Когда дверь за ним закрылась, Савельев отнёс файл в комнату хранения. Лада взяла оттуда копию журнала лодочной станции и вернулась к столу. Она поправила свою отметку: дата выдачи ключа, пятнадцатое ноября, на копии была; слова об отсутствии даты были ошибкой. Затем просмотрела остальные строки разворота. Не в обведённой записи о ключе, а выше обнаружилось упоминание жетона — от двадцать третьего августа, рядом с фамилией Савина и временем: без десяти семь вечера.

Она снова провела пальцем над записью, не касаясь бумаги.

— Здесь написано «вернул», — сказал Савельев, вернувшись. — Или мне кажется?

— Похоже на «вернул». Но для уверенности нужна сама страница, не копия.

— Роман сказал, что может показать оригинал?

— Нет. Он сказал, что получил копию от человека, который там работал.

Савельев поправил очки. Вопрос он задал без нажима:

— Ты связываешь Савина с матерью?

— Пока только фамилию и слова Николая Васильевича. Если это один человек, его имя должно найтись в документах. Если не найдётся — придётся выяснять, где ошиблись.

Савельев кивнул и не стал спрашивать, почему она не позвонила матери. Лада была благодарна ему за это молчание, хотя предпочла бы не замечать благодарности.

— Тогда начнём с того, что есть, — сказал он. — Дата, время, запись о жетоне. И проверим, существовала ли вообще такая отметка в нашем фонде.

Они принесли из хранилища опись переданных архиву документов лодочной станции. Папки стояли на нижней полке, за реестрами городских учреждений. Савельев сверил номера дел, Лада раскрывала коробки и проверяла лист за листом. Работу замедляли одинаковые обложки и тесные записи карандашом: за несколько лет номера лодок менялись, а

журналы переплетали повторно.

В коробке за тот год лежала ведомость приёма документов. Журнал лодочной станции был указан, но в примечании значилось: «Передан без страниц за период с 18 по 25 августа». Лада перечитала строку. Потом посмотрела на дату в копии.

— Значит, оригинала у нас нет.

— По этой ведомости — нет, — уточнил Савельев. — Она доказывает только, что журнал поступил неполным. Не то, кто забрал листы и когда.

Он говорил осторожно, и Лада услышала в его голосе не разочарование, а предупреждение. Копия могла быть подлинной. Могла быть снята с другого экземпляра. Могла оказаться фрагментом, который позднее подписали чужой фамилией. Пока не было способа проверить ни одно из этих объяснений.

Она занесла номер коробки и содержание примечания в рабочую тетрадь, отдельно отметив источник. Рядом указала: «Копия журнала — проверка оригинала невозможна по имеющейся описи». Никакого вывода о Савине.

— Если тот человек действительно работал на станции, он должен помнить, куда делся журнал, — сказал Савельев.

— Может помнить. Но сначала пусть напишет, что именно видел. Не то, что ему сейчас удобнее объяснить.

Савельев достал телефон, однако не набрал номер.

— Роману поручить?

— Роман может передать просьбу. Само свидетельство он за него писать не должен. И пусть не пересказывает ему фамилию Савина.

Савельев положил телефон обратно.

— Понимаю.

Лада закрыла коробку и закрепила бирку. На полке осталась пустая полоса между делами; там раньше лежали папки, которые уже передали на оцифровку. Она проверила журнал выдачи, чтобы убедиться, что отдельный экземпляр не находился у сотрудников. Запись о выдаче отсутствовала.

Это не разрешало противоречие, но меняло его. Копию нельзя было сверить с архивным оригиналом, потому что нужных страниц в архиве не было ещё при передаче. Кто-то должен был объяснить, когда они исчезли и откуда взялось изображение строки. А если фамилия Савина была записана до того, как страницы пропали, семейная связь Лады могла оказаться не поздней догадкой, а частью самой истории.

Она поймала себя на том, что уже строит это предположение как цепочку. Остановилась и зачеркнула в тетради не запись, а приписанное сбоку «семья?». Чернила оставили на бумаге заметный след.

— Дома об этом не говорил никто? — спросил Савельев.

— Я ещё не спрашивала.

— И не обязана спрашивать сегодня.

Она подняла глаза. В его словах не было разрешения и не было совета. Только признание, что семейный вопрос нельзя

закрыть служебной записью.

— Я сначала хочу знать, что именно спрашивать, — сказала Лада. — Иначе мать услышит фамилию и сама достроит остальное.

Савельев открыл журнал исходящих документов, чтобы оформить запрос в фонд лодочной станции. Лада продиктовала нейтральную формулировку: сведения о составе переданных документов, актах изъятия и наличии копий журнала за указанный период. Ни жетона, ни фамилии Савина в запросе не было. Она сверила текст, подписала и оставила место для регистрационного номера.

Когда работа была закончена, за окнами уже посерел дождливый день. Савельев убрал копию в шкаф, а Лада проверила, что номер сейфа и отметка о помещении совпадают с журналом хранения. Только после этого она достала телефон.

Сообщения от матери не было. Лада открыла список контактов, нашла её имя и закрыла экран, не нажимая вызов. Сначала — запись очевидца своими словами, дата и место, где он её видел. Потом — документы. Если фамилия Савина подтвердится, она не станет беречь мать от самого вопроса; но и не понесёт ей чужую копию как готовое обвинение.

Она убрала телефон в сумку и вернулась к столу. На бланке запроса всё ещё не хватало регистрационного номера. Лада вписала его, проверила дату и передала лист Савельеву. К концу дня у них не появилось ответа о жетоне. Зато ста-

ло ясно, почему один разговор с очевидцем уже не мог заменить утраченные страницы.

Роман положил папку на край стола, но не открыл.

— Сначала скажу, что именно мне передали. Чтобы ты не решила, будто я принёс ответ.

— Я пока ничего не решила.

— Хорошо.

Савельев остался у шкафа с журналами, не вмешиваясь. Лада заметила, что он не снял ключ с кольца: держал его в ладони, словно собирался убрать папку сразу, если для этого появится основание.

Роман достал лист в прозрачном файле. Копия была чёрно-белой, с неровным краем и тенью от переплёта. На полях проступали две отметки, одна над другой. Лада не стала наклоняться ближе, пока он не назвал источник.

— Журнал лодочной станции, — сказал он. — Запись о выдаче жетона. Человек, который её видел, утверждает, что лист скопировали несколько лет назад, когда разбирали старые бумаги. Это не заверенная копия. И сам журнал пока никто не предъявлял.

— Кто именно скопировал?

— Не знаю. Мне сказали, что человек работал на станции и согласился поговорить. На самой копии нет ни подписи, ни даты копирования.

Лада подвинула к себе лист за прозрачный край.

В строке, написанной крупнее соседних, стояла дата.

Дальше — короткая отметка о выдаче жетона и фамилия, которую из-за бледного отпечатка нельзя было прочитать уверенно. Ниже синим карандашом дописали время возвращения. Чернила и карандаш различались даже на копии.

— Что он называет независимым свидетельством? — спросила она.

— То, что запись была в журнале до того, как он услышал о нашем деле. Он не видел самого жетона после выдачи. Только журнал.

— Тогда это свидетельство о записи, не о жетоне.

— Именно так я и сформулировал.

Роман не повысил голос и не попытался убедить её, что этого достаточно. Лада задержала взгляд на его руках. Он не держал лист, но и не отодвинулся; оставил его между ними, доступным обоим.

— В какой день он видел журнал? — спросила она.

— Это я не знаю. Он назвал год, но не месяц. Сказал, что готов уточнить при встрече.

— А дату на записи он помнит?

— Говорит, что помнит её отдельно. Я не хотел подсказывать ему по копии.

— Правильно.

Савельев подошёл к столу.

— Если запись действительно была в журнале, можно запросить фонд станции. Проверить, передавали ли журнал в городской архив, и есть ли акт изъятия или опись.

— А пока не заносить фамилию как установленную, — сказала Лада.

— Конечно.

Роман посмотрел на неё, будто хотел что-то добавить, но передумал.

— Я могу позвонить ему сейчас. Он просил перед встречей узнать, что именно мы хотим проверить.

— Не надо обещать ему, что копия подтвердится. Спроси, согласен ли он изложить своими словами, когда работал на станции, где видел журнал и что именно запомнил. Без предположений о том, кому принадлежал жетон.

Роман достал телефон и отошёл к окну. Пока он набирал номер, Лада снова посмотрела на копию. Цифры в дате читались яснее, чем фамилия. Она сверила их с отметкой в рабочем журнале, где были записаны даты, связанные с пропажей свидетельства. Между двумя событиями оставалось несколько дней. Этого было достаточно, чтобы не считать запись случайным совпадением, но недостаточно, чтобы связать её с пропавшим документом.

Роман отвернулся от окна.

— Он согласен приехать. Не сегодня. Сказал, что будет в городе завтра после полудня.

— Он сам выбрал время?

— Да. Я сообщил, что мы не будем просить его подписывать копию и не станем записывать разговор без согласия.

Лада кивнула. Предстояла ещё одна встреча с человеком,

готовым говорить не через Рудина, но сама по себе его готовность ничего не подтверждала. Но имени у них всё ещё не было, а копия не стала надёжнее оттого, что её владелец согласился на встречу.

— Он назвал фамилию, которую видит в записи? — спросила она.

— Нет. Я не спрашивал.

— Тогда не спрашивай и по телефону. Пусть сначала расскажет, что помнит сам.

Роман убрал телефон.

— Есть ещё одно. Он спросил, будет ли на встрече кто-нибудь из семьи Савиных.

Савельев чуть заметно сжал ключи в кулаке. Лада перевела взгляд на копию. В строке фамилия оставалась неразборчивой, но слово «Савины» уже прозвучало — не как установленный факт, а как вопрос, который свидетель почему-то счёл нужным задать.

— Ты сказал ему, что будет? — спросила она.

— Нет. Сказал, что не знаю, кто придёт. Он ответил, что тогда сам решит, готов ли говорить.

— Почему он спросил именно о них?

— Не объяснил.

Лада почувствовала, как сухо стало во рту. Это могло означать, что человек знал кого-то из семьи. Или опасался встречи. Или заранее слышал историю, в которой фамилии уже успели расставить по местам. Ни один из вариантов не

доказывал, что Савины имели отношение к жетону.

— Завтра встречаемся здесь, — сказала она. — Но сначала он говорит без нашей копии перед глазами. Записываем только с его согласия. И фиксируем отдельно, что он помнит, а что увидел позже.

— Понял.

— Роман, если он попросит, чтобы я не присутствовала, я выйду. Ты не будешь убеждать его, что ему нечего бояться.

Роман выдержал её взгляд.

— Не буду.

Это не вернуло им прежней близости и не сделало его слова гарантией. Но Лада отметила, что он не спросил, почему она так решила.

Савельев прикрыл прозрачный файл и спросил, следует ли оставить копию в архиве. Лада ответила, что пока её нужно вернуть владельцу: без установленного происхождения лист нельзя принимать как документ фонда. Роман снова убрал файл в папку.

— Тогда завтра, — сказал он.

— Если он придёт.

— Если придёт.

Роман дождался, пока Савельев откроет ему дверь, и вышел в коридор. Лада не пошла следом. Она внесла в журнал только то, что могла подтвердить: предъявлена незаверенная копия записи, происхождение оригинала не установлено, собеседник согласен на встречу при условии отсутствия зара-

нее назначенных участников со стороны семьи Савиных.

Последняя фраза заставила её задержать перо. Потом она перечитала запись и исправила её: собеседник согласен на встречу и просит заранее не приглашать представителей семьи Савиных. Просьбу не следовало записывать как условие.

Когда Лада закрыла журнал, фамилия Савиных осталась там без обвинения и без объяснения. Утром предстояло выяснить, что именно этот человек помнил о лодочной станции — и почему для него имело значение, кто будет слушать.

Незадолго до этого, ещё до ухода Романа, Лада не потянулась к папке, а сначала посмотрела на него.

— Покажи копию.

Он положил её на стойку, но не стал разворачивать сам. Лист был сложен пополам, края размягчились от времени или частого обращения. Савельев достал из ящика прозрачный файл и положил рядом.

— Оригинал у вас? — спросила Лада.

— Нет. Мне дали снять копию. Оригинал остался у владельца.

— Кто владелец?

Роман чуть помедлил.

— Человек, который согласился встретиться завтра.

— Это тот же человек, который работал на станции?

— Да.

— Ты уже видел оригинал?

— Видел. Мне дали переписать запись. Потом я попросил

разрешения сфотографировать страницу.

— И тебе разрешили?

— Да.

Лада кивнула. Пока это были его слова, не доказательство. Она попросила Романа вложить копию в файл, а сама записала на отдельном листе дату и время предъявления, указала, что копия не заверена и оригинал не осматривался. Роман следил за её рукой, но не вмешивался.

Савельев придвинул к ним настольную лампу. На копии проступали косые линии старой книги, несколько строк и чернильное пятно у правого края. Запись относилась к лодочной станции. Вверху стояла дата: двадцать второе сентября, год совпадал с годом пропажи свидетельства. Ниже, среди отметок о выдаче вёсел и оплате за лодку, было написано: «Жетон № 14 принят на хранение. Передал Л. Н. Вернуть после закрытия».

Лада прочитала запись ещё раз.

— Ты сказал, это независимое свидетельство о жетоне.

— Да.

— Здесь не сказано, что жетон принадлежал семье Савиных.

— Нет.

— Не сказано, что его связали со свидетельством.

— Нет.

— И не сказано, кто такой Л. Н.

Роман не отвёл глаз.

— Я не утверждал, что здесь есть ответы на всё это.

— Но ты считаешь, что запись имеет отношение к нашему делу.

— Жетон всплыл в разговоре с Рудиным. На станции его принимали на хранение в тот год. Возможно, совпадение. Возможно, нет.

— А кто решил, что это совпадение или не совпадение?

— Я не решил.

В его голосе не было попытки торопить её. Это не делало вывод верным, но Лада заметила, что он оставил ей место для сомнения.

Она придвинула копию ближе, не касаясь самого листа. Бумага была сероватая; текст отпечатался неровно, будто снимок сделали на телефон при плохом свете. Под строкой о жетоне различалась ещё одна запись, частично скрытая сгибом: «до 20.30». Неясно было, относилось ли время к возврату, закрытию станции или следующей отметке.

— Есть дата, когда ты получил копию?

— Вчера вечером.

— У кого именно?

— Я бы хотел не называть имя до встречи. Он просил не распространять его, пока не поймёт, что именно мы собираемся делать с его словами.

— Ты уже назвал ему меня?

— Сказал, что речь о проверке записи и о пропавшем свидетельстве. Не говорил, что ты родственница кого-то из упо-

мянутых людей.

— Я не родственница.

— Знаю. Я имел в виду семью Савиных.

— А ты?

— Я сказал, что работаю с тобой по архивной части.

Лада подняла взгляд.

— Мы не работаем вместе по этому делу.

Роман принял поправку без возражений.

— Сказал, что мы оба занимаемся поиском сведений.

— Это тоже пока не совсем точно.

— Хорошо. Завтра сформулирую иначе.

Савельев откинулся на спинку стула. Он не вмешивался, но его взгляд то и дело возвращался к строке на копии.

— Если человек согласен прийти, — сказал он, — лучше не обсуждать с ним эту бумагу заранее. Пусть сначала расскажет, что помнит сам.

— Именно так, — ответила Лада. — Сначала свободный рассказ. Потом уточняющие вопросы. И только в конце, если он не откажется, можно показать копию и спросить, узнаёт ли он запись.

Роман кивнул.

— Я думал о том же.

— Тогда зачем принёс её сегодня?

— Чтобы ты знала, что именно мы будем проверять. И чтобы не получилось, будто я скрывал содержание до встречи.

Лада посмотрела на лежавший между ними файл. Незаверенная копия не устанавливала ни происхождения жетона, ни его связи с документом. Но она меняла меру осторожности: теперь речь шла не только о чужой памяти. Кто-то уже вёл запись о жетоне в лодочной станции, и этот человек согласился рассказать о ней лишь при определённых границах.

— У него есть условия для встречи? — спросил Савельев.

— Он хочет поговорить без заранее назначенных участников со стороны семьи Савиных, — сказал Роман. — Я не знаю, кого именно он опасается. Он не объяснил.

— А ты спросил?

— Спросил, есть ли конкретный человек, которого он не хочет видеть. Он ответил: «Не надо приводить их заранее». Я не стал уточнять, кого он имел в виду.

Лада заметила, как Савельев сжал губы.

— Это может быть страхом перед семьёй, — сказал он. — А может, нежеланием, чтобы на него давили. Пока мы не знаем.

— Поэтому завтра не будем подсказывать ему причину, — сказала Лада. — И не будем записывать «свидетель боится Савиных». У нас есть только просьба не приглашать кого-либо заранее.

Роман кивнул.

— Я не возражаю.

— Ты его предупреждал, что здесь буду я?

— Нет. Он знает, что встреча будет в архиве. Я сказал, что

сначала поговорю с ним один, если ему так удобнее.

Лада перевела взгляд на него.

— Но ты согласился, что я буду присутствовать.

— Я сказал, что спрошу его перед встречей. Он ответил, что хочет сначала прийти и осмотреться. Потом решит.

Савельев поднялся, чтобы убрать со стойки журнал посетителей. Лада остановила его жестом.

— Запись оставь. Только укажи, что Роман предъявил копию. Никакого дела ей пока не присваиваем.

— Понял.

Она внесла в журнал дату, время, краткое описание листа и слова Романа о том, что оригинал находится у будущего собеседника. Сведения об имени не было, поэтому Лада не стала оставлять пустую строку для фамилии. Вместо этого отметила: «Имя не сообщено». Так запись не выдавала отсутствие сведений за пропуск.

— Ты видел его давно? — спросила она, убирая ручку.

— Впервые вчера.

— Он сам тебя нашёл?

— Через знакомого. Я не хочу сейчас называть цепочку пересказа за установленный источник. Завтра он сможет объяснить, как попал ко мне.

— А если не придёт?

— Тогда копия останется копией, и мы не будем использовать её как подтверждение.

Ответ прозвучал просто. Лада не искала в нём обещания

— Роман и не пытался его дать.

Савельев запечатал файл в бумажный пакет для временного хранения, оставив клапан незакрытым. Роман должен был забрать копию с собой. Лада ещё раз сверила запись в журнале с тем, что действительно произошло: Роман принёс копию; источник не установлен; встреча предварительная; имя собеседника не сообщено.

— Завтра в девять? — спросил Роман.

— В девять. Но встреча состоится только если он сам подтвердит, что готов говорить.

— Я позвоню ему утром.

— Не пересказывай ему наши предположения.

— Не буду.

Он убрал файл в папку, но не защёлкнул застёжку сразу. Лада заметила на корешке потёртую полоску, такую же, как на папках, которые часто носили с собой, а не хранили в шкафу.

— Ты уже показывал кому-нибудь эту копию? — спросила она.

— Только тебе и Савельеву.

— А фотография осталась в телефоне?

— Да. Если нужно, могу удалить.

— Пока не надо. Укажи, когда и где ты её сделал, и не пересылай никому. Если завтра собеседник согласится, мы спросим его отдельно, можно ли сохранить снимок.

Роман достал телефон, открыл заметки и записал её слова.

— Так подойдёт?

— Да.

На секунду между ними снова возникло то молчание, которое раньше могло бы потребовать немедленного объяснения. Теперь Лада не стала заполнять его ни вопросом, ни смягчающей улыбкой. Роман убрал телефон и застегнул папку.

— Я не знаю, что он расскажет, — сказал он.

— Я тоже.

— Но ты считаешь, что встречаться стоит.

— Считаю, что стоит спросить человека, пока он сам согласен прийти. Это не то же самое, что поверить копии.

Он слабо кивнул.

— Понимаю.

Савельев открыл дверь в коридор. Роман подождал, пока тот освободит проход, и только потом вышел. Лада осталась у стойки, сверяя новую строку с соседними. На улице дождь прекратился, но со стекла двери ещё стекали тонкие дорожки воды.

В журнале не появилось ни имени, ни ответа. Зато к завтрашней встрече теперь было установлено главное: запись существовала в копии, её оригинал находился у человека, который не хотел заранее видеть представителей семьи Савиных, а сам жетон по-прежнему не был связан ни с одним конкретным владельцем. Лада закрыла журнал и оставила на столе чистый лист для записи разговора — пока без заголов-

ка и без имени свидетеля.

Глава 3. Навязанная фамилия Савиной

К назначенному времени Лада положила на стол чистый лист, журнал и две карандашные ручки. Папку с копией Роман держал при себе. Савельев остался у двери кабинета: не вмешивался, но и не ушёл, будто присутствие заведующего могло удержать разговор в пределах того, что разрешалось записать.

В коридоре хлопнула входная дверь. Дежурная провела к ним женщину лет шестидесяти, в сером пальто с потемневшими пуговицами. Та сняла перчатки не сразу, по одной, и положила их на колени.

— Это Нина Павловна Орлова, — сказал Роман. — Она согласилась прийти после нашего разговора.

— Я согласилась рассказать, что помню, — уточнила женщина. — А не подтверждать всё, что кому-нибудь удобно.

Лада придвинула к ней стакан воды.

— Именно поэтому мы не будем просить вас подтверждать то, чего вы не видели.

Орлова посмотрела на неё внимательнее, затем кивнула.

Копию Роман не положил на стол. Он достал её из папки и оставил перед собой, развернув так, чтобы строки были видны только ему.

— Вы узнаёте запись? — спросила Лада.

— Узнаю почерк брата. Он вёл у себя тетрадь, пока работал в старом здании управы. Там отмечал, кому и что отда-

вал. Мне эту копию показал племянник. Оригинал тетради остался у него.

Лада записала: копия, со слов Орловой, происходит из семейной тетради; оригинал у племянника. Ниже оставила место для имени и даты.

— В записи говорится о латунном жетоне, — продолжила Орлова. — Брат писал, что отдал его Лиде Савиной. Она тогда в управе перебирала бумаги. Я решила, что жетон принадлежал ей. Он был у неё на связке, я его видела.

— Вы видели жетон на связке Лидии Савиной? — уточнила Лада.

— Да. На короткой цепочке. Такой же, как у сторожа на проходной.

Роман взглянул на копию.

— Поэтому вы думаете, что это был пропуск?

— Я не думаю. Я знаю, как выглядели пропуска. Их носили с собой, чтобы не объясняться при входе. — Орлова потерла большим пальцем край перчатки. — Лида говорила, что жетон ей передали вместе с ключами. Давно это было. Я не помню, кто именно передал.

Первое объяснение сложилось быстро и почти аккуратно: жетон принадлежал человеку, работавшему в управе, и мог быть обычным пропуском. Лада почувствовала, как рука потянулась записать вывод, и остановилась.

— Можно посмотреть вашу семейную копию? — спросила она. — Только сам лист, без пересказа.

Роман не сразу подвинул бумагу. Потом повернул её к Орловой.

Та наклонилась, но не коснулась листа.

— Вот эта строка. «Жетон с цепи снять, Лиде отдать». Это почерк брата?

— Похож. Но я не эксперт.

— А дата здесь есть?

Орлова прищурилась.

— На копии — нет. В тетради, кажется, была дата на соседней странице. Я не помню какая.

Лада занесла её слова в черновую запись, отдельно отметив, что оригинал не предъявлен. Пока это было свидетельство о том, что Орлова помнила жетон у Лидии Савиной, и о строке в копии. Связь с пропуском оставалась предположением.

Савельев тихо постучал костяшками по косяку.

— У меня есть приложение к инвентарной описи, которое вчера подняли при сверке, — сказал он. — Там учёт не пропусков, а имущества проходной. Понадобится минут десять.

— Если оно относится к тому же предмету, — сказала Лада.

— Номер совпадает. Но я принесу оригинал и регистрационную карточку.

Он вышел. Орлова снова надела перчатки, словно собиралась уйти.

— Я думала, вы уже нашли, что это было, — сказала она

Роману. — Иначе зачем звать меня сюда?

— Чтобы не строить вывод по одной копии.

— А вы уверены, что хотите знать?

Роман посмотрел на неё, но ответил не сразу.

— Да.

В его голосе не было ни вызова, ни просьбы одобрить его решение. Лада вспомнила, как он когда-то пытался объяснить первым — и считал, что этого достаточно. Сейчас он не подталкивал свидетеля к нужному ответу, хотя явно хотел, чтобы тот оказался ясным.

Савельев вернулся с тонкой папкой в прозрачной обложке. Перед тем как открыть её, он сверил номер на корешке с записью в регистрационном журнале. Лада следила за его руками: папка была на месте, листы пронумерованы, скрепка опечатана бумажной полосой с датой предыдущей проверки.

Внутри лежала машинописная ведомость. Савельев показал строку, не вынимая листа.

— Номер жетона совпадает с копией, — сказал он. — Вот запись о его выдаче.

В графе «назначение» значилось: «Гостевой. Однодневный». Ни фамилии Лидии Савиной, ни постоянного допуска там не было. Ниже стояла отметка о возврате жетона на проходную через два дня. Сопоставить эту дату с семейной тетрадью пока было нельзя: на копии даты не было, а оригинал не предъявили.

— Значит, не её пропуск, — произнесла Орлова.

— Этого документ не подтверждает, — ответила Лада. — Он подтверждает, что жетон с таким номером выдали как гостевой, на один день, и вернули через два. Кто носил его потом и почему он оказался у Лидии Савиной, ведомость не устанавливает.

Орлова смотрела на строчку о возврате.

— Она сказала мне, что он остался у неё. Я всю жизнь думала, что брат отдал ей его насовсем.

— Вы можете исправить свои слова, — сказала Лада. — Я внесу, что это было ваше предположение, а не то, что вы помните как установленный факт.

— Но я же сама сказала людям, что Лида могла вынести бумаги из управы. Из-за этого. — Орлова сцепила руки. — Я не хотела ей навредить. Просто объясняла, откуда у неё жетон.

Лада не стала утешать её. Не знала, кому именно и когда Орлова это говорила, и не собиралась превращать её признание в доказательство другого события.

— Кому вы говорили?

Орлова назвала двоюродную сестру и племянника. Официального заявления она не подавала. Лада записала это со слов женщины и прочитала ей строку вслух.

— Нет, — сказала Орлова. — Добавьте, что я не видела, как Лида брала бумаги. Я видела только жетон. И ошиблась насчёт его назначения.

Лада внесла уточнение. Орлова подписала запись, подви-

нув лист к краю стола. Роман убрал свою копию в папку, а Савельев закрыл ведомость и снова проверил бумажную пломбу. Теперь у них было документальное подтверждение, что жетон с указанным номером являлся однодневным гостевым, но прежнее обвинение, выросшее из ошибочного объяснения, уже успело перейти из разговора в разговор.

Орлова поднялась и сняла перчатки, держа их в руке.

— Я позвоню племяннику, — сказала она. — Пусть не повторяет мои слова как факт. Но сестре я сама объясню. Она Лиду тогда не простила.

Лада открыла дверь кабинета. Орлова, однако, снова села, не торопясь уходить.

Роман задержался у стола. Он не спросил, верит ли Лада теперь его версии.

— Копию я оставлю у себя, — сказал он. — Оригинал племянник готов принести, если понадобится.

— Запиши, что он сказал именно это, и от кого узнал.

— Хорошо.

Он убрал папку под мышку. Лада внесла в журнал источник ведомости, дату сверки и ограниченный вывод, который она позволяла сделать. Рядом с ним записала исправление Орловой: жетон она видела, но назначение определила сама. Бумаги не оправдывали Лидию Савину в том, чего никто ещё не проверил. Они лишь лишали старую уверенность основания, а человеку, которого она задела, теперь предстояло услышать это от тех, кто повторял её слова.

Лада закрыла дверь кабинета и вернулась к столу. На листе с записью разговора ещё блестела свежая подпись Нины Павловны. Чернила расплылись у последней буквы фамилии: Орлова торопилась закончить и не стала ждать, пока Лада промокнёт строку.

Савельев снял с ведомости бумажную пломбу и положил её рядом с журналом. Затем сделал копию ведомости, сверил её с оригиналом и передал Роману. Тот убрал полученный лист в папку, отдельно от копии семейной записи.

— Теперь копия и оригинал совпадают, — сказал он. — Номер жетона, дата, срок действия. Гостевой доступ на один день.

— На один день, — повторила Лада. — Но это ничего не говорит о том, кто именно его получил.

— И не говорит, что получатель заходил в хранилище, — добавил Роман.

Он не открыл папку. Держал её под мышкой, словно боялся, что листы внутри окажутся весомее, чем они были.

Лада посмотрела на запись Орловой.

— Она видела номер на жетоне. Потом решила, что это номер постоянного пропуска.

— Не просто решила, — сказал Савельев. — Ей кто-то объяснил, что у таких жетонов один и тот же номер на протяжении всего срока.

— Кто?

— По её словам, племянник. Но она не уверена, когда

именно он это сказал. Возможно, уже после того, как она увидела жетон.

— Значит, это тоже пока только её воспоминание.

Савельев кивнул. Лада внесла в журнал уточнение: Орлова не устанавливала личность владельца жетона и не видела, чтобы Лидия Савина брала документы. В отдельной строке указала, что прежнее объяснение назначения жетона она отозвала. Слова «оправдана» не появилось. Для такого вывода у них не было оснований.

Роман поставил папку на стол, но ладонь с обложки не убрал.

— Племянник отдал ей номер из старой записки, — сказал он. — Так я понял из разговора. Он не говорил, что видел сам жетон.

— Ты говорил с ним?

— Нет. Орлова пересказала его слова.

— Тогда мы не записываем это как подтверждённый факт.

— Я и не предлагаю.

Он произнёс это спокойно, но пальцы на обложке сжались. Лада заметила, что он смотрит не на неё, а на строку в журнале, где его имя стояло рядом с отметкой о представленной копии.

В начале разговора он сказал, что у него есть независимое свидетельство. Это было верно лишь наполовину. Орлова действительно видела жетон сама; объяснение, которое превратило его в указание на Лидию, пришло к ней от дру-

гого человека. Лада пока не знала, понимал ли Роман разницу, когда пришёл утром.

— Ты знал, что она не видела, кто пользовался жетоном? — спросила она.

Роман поднял глаза.

— Я знал, что она видела его на Лидии.

— Это не то, что я спросила.

Савельев отошёл к шкафу, давая им пространство, но не выходя из кабинета.

— Когда я позвонил ей, она сказала, что Лида была в здании в тот день, — ответил Роман. — Что у неё был жетон.

— А что именно ты ей пересказал?

— Номер, указанный в копии.

— Ты спросил, откуда она знает, что жетон принадлежал Лидии?

Он помолчал.

— Нет.

— Почему?

Роман провёл большим пальцем по краю папки.

— Я считал, что это очевидно.

— Что именно?

— Что она говорит о том, что видела.

— А сама Орлова считала очевидным, что номер обозначает постоянный пропуск.

— Да.

— И ты не проверил ни одно из этих двух предположений.

Он не отвёл взгляда.

— Не проверил.

В кабинете заскрипел шкаф: Савельев поставил на полку ведомость и повернул ключ. Лада услышала сухой щелчок замка. От этого звука запись в журнале не стала окончательной, но теперь её нельзя было спутать с устным пересказом.

— Ты принёс копию и назвал её независимым свидетельством, — сказала она. — При этом сам поговорил с Орловой до нашей встречи.

— Да.

— Она знала, что мы ищем подтверждение по жетону?

— Знала, что он может иметь отношение к делу. Я не просил её говорить о Лидии.

— Но сказал, что у тебя есть копия с номером.

— Да.

Лада пододвинула лист ближе к себе.

— Тогда в журнале должно быть и это. Она пришла не после нейтрального вопроса. Ты заранее сообщил ей, на что мы смотрим.

Роман наконец убрал ладонь с папки.

— Запиши.

— Запишу. Но это меняет вес её показаний.

— Я понимаю.

— Пока не знаю, понимаешь ли.

Он выдержал паузу, потом достал из папки копию ведомости. Не положил её на чистый лист, как прежде, а протя-

нул Савельеву, который подошёл от шкафа. Тот сравнил номер с записью Орловой и вернул документ Ладе.

— Подтверждается только тип жетона и дата его выдачи, — сказала она. — Не имя посетителя, не маршрут, не доступ к архивным материалам.

— Но старое обвинение уже держится на том, что номер якобы был её пропуском, — сказал Савельев.

— Поэтому отделим то, что Орлова действительно видела, от наших предположений, — ответила Лада. — И уточним у неё детали, прежде чем делать выводы о Савиной.

Орлова не притронулась к воде. Она держала ладони на коленях, сцепив пальцы так крепко, что побелели костяшки.

— Жетон был круглый? — спросила Лада.

— Круглый. С дырочкой у края. Потёртый, тёмный. Я видела его не один раз.

Роман раскрыл папку, но копию не вынул.

— Вы помните, где именно он лежал?

— В жестяной коробке. В кладовой у сестры. Там лежали пуговицы, крючки, всякая мелочь. Я заходила к ней помочь после операции. Это было давно.

— Когда вы впервые увидели жетон? — спросила Лада.

Орлова задумалась, глядя не на них, а на край стола.

— До того, как пропало свидетельство. Сестра сказала, что нашла его в старом ящике. Я тогда решила, что он от фонаря. У нас в семье говорили, будто дед помогал у пристани, когда там ещё были керосиновые фонари. Такой жетон мог

быть пропуском.

Она произнесла это без уверенности, но Роман чуть подался вперёд.

— Значит, вещь была в доме Савиных ещё до исчезновения документа?

— Я не говорила, что была в доме Савиных, — резко ответила Орлова. — Я говорю про сестру. Лидию.

Лада подняла глаза от листа.

— Лидия Савина?

— Да. Моя старшая сестра. После замужества она оставила фамилию мужа, но в документах её всё равно писали поразному. Иногда Лидия Павловна, иногда Савина. Мне это всегда мешало.

Роман снова коснулся папки, однако не открыл её.

— Вы считаете, жетон принадлежал вашей семье?

— Считала. Теперь уже не знаю.

Лада записала «считала», подчеркнула слово и оставила рядом место для уточнения.

— Почему вы передумали?

Орлова наконец взяла стакан, но только повернула его в руках.

— Потому что на копии ведомости не было фамилии сестры. А мне сказали, что была.

Роман посмотрел на Ладу. Та не ответила на его взгляд.

— Кто сказал? — спросила она.

— Племянник. Он нашёл копию среди бумаг матери. Вер-

нее, копия у него давно лежала, а про фамилию он вспомнил недавно. Я не знаю, откуда взялось объяснение про Лидию. Он сказал, что жетон связан с ней. Я решила, что это значит: он был её. Если она его нашла, если он лежал у неё в коробке, чего тут не понять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.